

РЕНЕ ЖИРАР

Насилие и религия: причина или следствие?¹

Вопрос о насилии и религии вызывает сегодня немалый и вполне оправданный интерес. И этот вопрос совсем не прост. Спрашивая, насколько воинственна или миролюбива та или иная религия, мы словно не замечаем того, что насилие исходит от нас, людей. Мы все верим в это, независимо от того, верим ли мы в Бога или нет. Поэтому вопрос о религиозном насилии является прежде всего человеческим вопросом, социальным и антропологическим вопросом, а вовсе не религиозным. Я собираюсь рассмотреть здесь вопрос о роли насилия в архаической религии и в библейской религии. Какие религии следует называть архаическими или примитивными? Если говорить кратко, то к архаическим относятся все религии, которые сегодня умирают или уже мертвы. Это определение включает все религии малых бесписьменных культур, которые существовали один-два-три-четыре века тому назад. Оно также включает религии древнего мира и все доисторические религии, о которых нам ничего не известно. Вполне возможно, что религии существовали задолго до появления пещер кроманьонцев с наскальной живописью на юго-западе Франции 30.000–40.000 лет тому назад. Среди современных исследователей все еще распространена давняя традиция интерпретации религии как некоего повествования, в которое предположительно должны верить его почитатели. Например, в XIX веке французский философ Огюст Конт считал все религии неудачными попытками объяснения «загадок вселенной». Постсовременная теория религии ушла от этого не слишком далеко. Теоретики называют религии «большими повествованиями», которые они считают полностью вымышленными, как и почти все остальные тексты. На самом деле архаическим религиям загадки вселенной бы-

¹ Renee Girard, 'Violence and Religion: Cause or Effect?' *Hedgehog Review*, 2003, vol. 6, no. 1, p. 8–20.

ли глубоко безразличны. Все имеющиеся у них повествования являются не «большими», а малыми, жестко ограниченными местным происхождением культов, к которым они принадлежат. Для дарвинистских биологов и социобиологов тот факт, что религия может быть так же стара, как и само человечество, означает, что она выполняет какую-то более важную функцию, нежели просто удовлетворение нашего праздного любопытства относительно загадок вселенной. Если бы дело обстояло иначе, она давно бы исчезла.

На мой взгляд, отношения между насилием и религией настолько запутаны, что их лучше вообще не касаться без намерения рассмотреть проблему во всей ее полноте. Мне бы хотелось здесь вкратце изложить свой взгляд на этот предмет. Но из-за ограниченного объема этой статьи мне придется упростить свои наблюдения настолько, что некоторые идеи могут показаться произвольными.

Среди животных уже существует внутривидовое насилие, особенно в сексуальном соперничестве, но оно остается довольно умеренным. Победитель щадит побежденного, и так устанавливаются отношения, которые играют главную роль в жизни животных. Это отношения господства. Люди заходят в насилии дальше, чем животные, так как, в отличие от последних, они часто убивают друг друга. Мы виним в этом агрессию. Но проблема в том, что это понятие однобоко. Оно решительно разделяет человечество на агрессоров и жертв агрессии, и мы относим себя ко второй категории. Но в большинстве человеческих конфликтов участвует две стороны, эти конфликты взаимны.

Мы склонны к соперничеству, а не к агрессии. Помимо наклонностей, разделяемых нами с животными, у нас есть более проблематичное стремление, которое лишено какого бы то ни было инстинктивного стремления: желание. Мы в буквальном смысле не знаем, чего желать, и, чтобы узнать об этом, мы наблюдаем за людьми, которыми мы восхищаемся: мы подражаем их желаниям. И образцовые носители, и подражатели одного и того же желания неизбежно желают одного и того же и потому становятся соперниками. Их сопернические желания буквально подпитывают друг друга: подражатель становится образцом для своего образца, а образец подражателем своего подражателя. В отличие от соперничества животных, это подражательное или миметическое соперничество может становиться необычайно сильным и заразительным, не только приводя к убийствам, но и — миметически — распространяясь на целые сообщества. И оно могло бы уничтожить наш вид, если бы этому кое-что не мешало. Но что именно?

Ответ предлагают основополагающие мифы архаических религий, описывающие рождение этих религий. Все они начинаются с миметического кризиса и заканчиваются одной и той же драмой: все сообщество убивает одну-единственную жертву и в конечном итоге обожествляется. В мифе об Эдипе граждане Фив твердо верят, что этот герой не только убил своего отца и женился на своей матери, но и принес

в Фивы мор. Поэтому они полагают, что он заслуживает наказания. Мифы возлагают вину на жертв, объявляя толпу, совершившую убийство, невиновной.

Неприятие реализма в XX столетии

Как уже было замечено ранее, на протяжении большей части XX века многие считали, что мифы и другие религиозные тексты — это просто вымысел. Если все религиозные тексты — продукт воображения, то различия между ними являются результатом частного воображения отдельных авторов и не имеют антропологического и социального значения. Но, на мой взгляд, все повторяющиеся черты в текстах архаических мифов противоречат теории вымысла. Начнем с того, что в этих текстах нет ничего поэтического или игрового. Они больше похожи на отголосок насилия толпы в ее же собственном описании. И в пользу этой гипотезы, как мне кажется, свидетельствуют четыре обстоятельства:

(1) Во многих мифах люди боятся своей будущей жертвы и пытаются защититься от этого страшного монстра. На самом деле в библейских псалмах жертва оказывается в ситуации преследуемого рассказчика, окруженного дикими толпами и совершенно беспомощного. В конце жертва всегда умирает, а люди остаются невредимыми.

(2) Многие преступления, приписываемые жертвам, — стереотипны и повторяются из мифа в миф, вроде насилия, детоубийства, жестокости и так далее. Сюда же относятся отцеубийство и инцест Эдипа. Вовсе не будучи проницательной догадкой Фрейда, они представляют собой банальные обвинения, которые и по сей день повторяются возбужденными толпами. Весьма показательны также магические обвинения в дурном глазе, мнимой способности убивать одним взглядом. К этим обвинениям обычно обращаются толпы, чтобы оправдать убийство того, кого они желают убить.

(3) Еще одна показательная черта — физическая ущербность многих жертв: одни оказываются хромыми, другие — одноглазыми, третьи — увечными или горбатыми. Эти недостатки показывают, как толпы выбирают своих жертв. Животные-хищники, как правило, выбирают себе жертву, которая внешне выглядит не как все, потому что ее проще заметить и поймать. Нечто подобное, по-видимому, происходит и в человеческом мире: явно «ущербные» люди привлекают к себе внимание толп.

(4) Другим показательным признаком, на мой взгляд, служит удивительно большое число мифических героев, относящихся к «чужакам». В изолированных и необразованных сообществах культурные различия вызывают тревогу. Появление незнакомца может вызвать панику или нападение на него просто потому, что его речь и манеры немного отличаются от местных стандартов.

Я не утверждаю, что мифы — это точные объяснения феноменов толпы; скорее, эти феномены реальны, но их объяснения всегда неточны и искажены — а чего еще можно ожидать от банды нераскаившихся убийц, рассказывающих о своих выходках? Именно поэтому жертвы всегда выглядят виновными, а толпы никогда не совершают ни малейшей ошибки. Они всегда убивают смутьяна. И не открытие какого-то подлинного преступника, как утверждают мифы, привело к примирению этих архаических сообществ; это была иллюзия такого открытия. Сообщества миметически переносили всю свою вражду на одну жертву, и благодаря этой иллюзии наступало примирение.

Каким образом то же подражание, то же миметическое заражение, которое прежде вызывало миметическое соперничество и насильственный распад сообщества, неожиданно превратилось в силу реинтеграции, примирения сообщества?

По мере усиления миметического соперничества, во время миметических кризисов постепенно происходит стирание всех существующих культурных различий и превращение жестко структурированных сообществ в недифференцированные толпы. После преодоления определенного порога объекты желания потребляются, уничтожаются или забываются. Миметическое безумие переносится на самих антагонистов. Те же люди, которые раньше не могли прекратить борьбу, потому что они имели одни и те же желания, теперь имеют одних и тех же антагонистов и испытывают одну и ту же ненависть. Парадоксальным образом, при отсутствии взаимной любви единственным чувством, способным примирить людей, оказывается ее противоположность, общая ненависть.

Заразительный мимесис поляризует все меньшее число антагонистов, пока, по некоторым несущественным причинам, упомянутым мною ранее, или вообще безо всяких причин, толпа не поляризуется против одного последнего человека. В этот момент в сообществе не остается ни одного врага, за исключением этой общей мишени, и после ее поражения, насилие должно прекратиться. В греческом языке эта чудесная операция описывалась словом катарсис, которое означало очищение или устранение всякого насилия из сообщества. Единодушное миметическое заражение превращает разрушительное насилие всех против всех в целительное насилие всех против одного. Сообщество примиряется за счет одной-единственной жертвы.

Религиозное жертвоприношение

Когда такое примирение происходит, архаические сообщества ощущают, что они пережили чудо, и испытывают огромное облегчение, хотя и ненадолго. Человеческая природа остается неизменной и рано или поздно миметическая конкуренция должна появиться снова. Напуганные сообщества пытались ограничить такое соперничество систе-

мой запретов, которые держали бы наиболее вероятных его участников на большой дистанции друг от друга. Они также пытались жестко установить распределение потенциально спорных «благ», особенно женщин.

Но зачастую эти предосторожности не срабатывали, и когда это случалось, напуганные сообщества вспоминали, что их предыдущий миметический кризис завершился убийством жертвы. Тогда они задумывались о том, что убийство новых жертв окажется способным повторить чудо. В результате был изобретен важнейший религиозный институт человечества, ритуальное жертвоприношение. Все архаические культуры совершают священные жертвоприношения в надежде избежать миметических конфликтов.

Во многих архаических культурах, особенно в Африке, важные ритуалы начинались с некоего сознательного разрушения сообщества: люди насмехались друг над другом и оскорбляли друг друга; иногда они даже затевали драку. За этими «притворными кризисами», как их называют антропологи, стояло стремление обеспечить успех ритуальной жертвы при помощи точного воспроизводства всей первоначальной последовательности, включая сокращенную версию миметического соперничества. Целью всего этого было подстегивание запуска механизма поиска и убийства жертвы, и «притворный кризис», вероятно, способствовал этому.

Итак, «миметическая теория» религии и культуры состоит в следующем: когда в своем подражании животным люди заходили слишком далеко, возникавшие в результате кризисы запускали миметический механизм поиска и убийства жертвы, вокруг которого складывались первые системы запретов и ритуалов жертвоприношения. Они были первыми религиями и исходной формой человеческой культуры. Религия позволила человечеству найти полезное применение своей миметической способности, которая не ограничивается одним только насилием, но также обладает огромным потенциалом для обучения.

Если мой анализ верен, то, вовсе не будучи причиной нашего насилия, архаические религии являются (или, скорее, были) прежде всего следствием нашего насилия и лишь затем нашей основной защитой от него. На протяжении самой длительной части нашей истории или предыстории они позволяли человеческим сообществам справляться со своим собственным насилием. Архаические религии по самой своей сути являются сочетанием запретов и жертвоприношений. Запреты прямо запрещали насилие, но они зачастую не выполнялись, и тогда архаические сообщества отступали на вторую линию обороны, жертвоприношение. Парадокс архаической религии состоит в том, что для того, чтобы предотвратить насилие, она обратилась к насилию.

За долгую историю человечества механизм единственной жертвы породил немало религий, которые прекрасно работали только пото-

му, что верующие никогда не знали действительных причин рождения этих религий. Эти религии обманывали верующих, говоря, что жертвы должны успокоить богов, а не само сообщество. Существованию сообщества угрожала его собственная ярость, хотя никто этого и не понимал. Механизм поиска и убийства жертвы, который породил архаические религии, был настолько единым, что сначала демонизированная, а затем обожествленная жертва казалась ответственной за миметические кризисы и их счастливое разрешение. Те, кто поддавался духу толпы, считали свое единодушие не столько миметическим заражением, каким оно было на самом деле, сколько определенным доказательством их верной интерпретации драмы единственной жертвы.

Библейское “отличие”

Иудейская библия и христианские евангелия — это единственные религиозные тексты, в которых содержится отказ от этой мифической схемы. Толпы в иудейских и христианских писаниях мыслят и поступают точно так же, как толпы в архаических мифах. Отличие состоит не в событиях, а в их интерпретации. В мифах жертвы действительно совершали преступления, в которых их обвиняли их гонители. В еврейских и христианских священных писаниях толпы обвинялись в том, что они преследовали невинных жертв.

В пророческих текстах иудейской библии содержится совершенно иное, осуждающее видение толпы. К примеру, братья Иосифа ведут себя с ним как уродливая толпа. Все окружение Иова действует с солидарностью толпы. Во многих псалмах главный герой беспомощно смотрит, как его окружают кровожадные толпы. И такие толпы преследовали и даже убивали многих пророков. Наиболее впечатляющий пример — убийство страдающего раба (Исаия 52–53), которого Новый Завет сравнивает с Иисусом. Пророческая литература полностью разорвала с насильственным социальным феноменом, который играл важную роль в человеческих культурах до и даже после появления судебных систем.

Евангелия воспроизводят ту же общую последовательность, что и мифы. И вновь сначала имеет место серьезный кризис, кризис небольшого еврейского государства до римского завоевания, который достигает наивысшей точки в драме единственной жертвы, Иисуса, коллективно убитого, а затем обожествленного уже христианами. Но различие состоит в том, что Евангелия полностью переворачивают вердикт толпы, содержащийся в мифах: жертва невинна, а толпа виновна. Больше всего в евангелиях поражает тот факт, что эти две перспективы — толпы и жертвы — приводятся рядом друг с другом. Почти все согласны с местной толпой. Несогласных совсем немного, но, какими бы шаткими поначалу ни выглядели их позиции, в конце

концов они берут верх по одной, на мой взгляд, весьма веской причине: они оказываются истинными.

Я использую здесь слово «истинный» в антропологическом и социальном, а не религиозном контексте. Все здравомыслящие люди, несомненно, согласятся, что толпы — плохие судьи, особенно в вопросах жизни и смерти других людей. Вопреки мифам, они не выявляли подлинного преступника; это была лишь иллюзия. Сообщества миметически переносили свою ненависть на единственную жертву и успокаивались благодаря этой иллюзии.

И если жертва невинна, то что за сила вновь и вновь объединяет большую группу сильных мужчин против несчастной жертвы? Ответом вновь оказывается подражание, миметическое заражение.

И если мифы способствуют миметическому заражению против единственной жертвы, то библейские интерпретаторы сопротивляются этому заражению и реабилитируют жертву, которая на самом деле невинна. Библейское сопротивление миметическому заражению позволяет увидеть обманчивость архаических религий, дух толпы, который преобладает в них. Эта уникальная способность демистифицировать единодушное насилие применима не только к определенным жертвам, фигурирующим в этих текстах — Иосифу, Иову, страдающему рабу или Иисусу, — но и потенциально ко всем подобным жертвам коллективной травли. Чтобы демистифицировать миф, нам нужно сначала вычленив, к примеру, объяснение распятия на кресте, неявно содержащееся в явном тексте, а затем сравнить их друг с другом.

(Синоптические) евангелия показывают, что все свидетели распятия на кресте ведут себя миметически. Показательным примером служит отречение Петра: как только его окружают люди, враждебные по отношению к Иисусу, он подражает их враждебности. Его троекратное отречение суть миметический феномен. Пилат совсем не похож на апостола, но и он в конечном итоге поступает точно так же. Даже хотя он лично предпочел бы спасти Иисуса, он идет на поводу у толпы; он подражает толпе и отдает приказ о распятии. Вместе с Иисусом распинают еще двух воров (или только одного у Луки), что служит еще одним карикатурным примером подражания толпы. Вместо того чтобы выразить сочувствие человеку, ужасную судьбу которого они разделяют, они глумятся над Иисусом, подражая толпе, отчаянно пытаясь воссоединиться с ней, отрицая свое собственное распятие.

Современный мир не замечает этой библейской демистификации. Наоборот, библейские тексты часто считаются эквивалентами мифов просто в силу своего сходства с ними. На самом же деле, вовсе не свидетельствуя о тождественности всех религиозных доктрин, содержащихся в этих текстах, неизменное присутствие механизма поиска жертвы позволяет увидеть необычайно важное отличие. Склонность считать все тексты мифическими обусловлена неспособностью большинства современных исследователей выйти за

рамки тем и мотивов этих текстов и увидеть, что наиболее важным фактором в этих текстах оказывается сопротивление миметическому заражению или капитуляция перед ним. Текст может скрывать механизм поиска и убийства жертвы и заблуждаться насчет его работы, или он может раскрывать этот механизм, показывая вместе с ним несправедливость толпы и незаслуженное страдание жертвы. Первый путь — путь мифологии, второй путь — путь библейских текстов и в особенности евангелий.

Картина мира, содержащаяся в мифах, выглядит более радужной, чем библейская, так как она отражает заблуждения преследователей, а не более трезвый взгляд праведных жертв. Единственным философом, осознавшим, что такой выбор в пользу мифологии был по сути равнозначен поддержке преследователей, был Фридрих Ницше. Но вместо того чтобы встать на защиту жертв он предпочел поддерживать несправедливое насилие; во всяком случае работы, вышедшие из-под его пера, вдохновили худшие злодеяния XX столетия.

Пророческая литература иудейской библии и евангелий полностью противоположна мифической и жертвенной ментальности архаической религии. В пользу этого свидетельствует множество различных изречений и формул. Осия приписывал Иегове следующие слова: «Я милости хочу, а не жертвы» (Осия 6:6). Иисус призывает своих слушателей примириться со своими братьями прежде, чем приносить свои жертвенные дары к алтарю. Иными словами, он предупреждает их, что они не должны рассчитывать на жертвоприношения как на искусственное средство сосуществования со своими ближними. Истина жертвоприношения, какой она раскрывается в распятии на кресте, раз и на всегда разрушает действенность всех жертвоприношений. А поскольку избежать насилия при помощи ритуала становится невозможно, личное примирение оказывается единственным средством, позволяющим избежать разрушительного разгула миметического насилия.

Современный отход от насилия

Ненасильственная сторона библейского вдохновения проявляется в долгосрочном историческом развитии наших западных обществ. В некоторых важных отношениях начиная с позднего Средневековья наш исторический мир двигался в сторону сокращения насилия. Наш мир отменил рабство и крепостное право. Наше уголовное законодательство стало более гуманным, статус женщин повысился, и мы теперь защищаем детей и стариков. Мы придумали такие вещи, как больницы, бесплатную медицину и разные формы социальной защиты для инвалидов и немощных. И каким бы незначительным ни казалось такое сокращение насилия в сравнении с нашими устремлениями, оно беспрецедентно во всей человеческой истории.

Постепенно наш мир стал лучше видеть произвольные поиски жертвы, и наши социальные, политические и юридические институты предпринимают все больше усилий для того, чтобы избежать этого. В современном мире забота о жертвах зачастую становится объектом нового миметического соперничества, которое приводит к нелепым перекосам и карикатуризирует все дело. Но, несмотря на это, современная забота о жертвах, которая складывалась на протяжении многих столетий, является важным историческим достижением. Мы постоянно обвиняем себя в преследовании жертв не только в настоящем, но и в прошлом наших стран, наших религиозных и этнических традиций. Мы переписываем историю с точки зрения жертв. Нам часто удается, повторяюсь еще раз, превратить такую заботу в миметическое соперничество, и мы тратим немало времени, швыряя старые трупы друг в друга, снова пытаясь оправдаться при помощи своих близких, но эти скорбные факты не должны мешать нам увидеть смысл этих явлений.

Хотя в нашем мире меньше насилия, чем в любом другом мире до него, мне не нужно напоминать, что это лишь один из аспектов мира, в котором мы живем. Другой аспект выглядит совершенно иначе: резкий рост насилия и угроз насилия. Две противоположные тенденции развивались одновременно на протяжении многих столетий, и разрыв между ними постоянно растет. Наш мир одновременно спасает больше жертв, чем любой мир до него, создавая при этом больше жертв, чем любой мир до него. XX век был отмечен не только самыми масштабными войнами в человеческой истории, но и концлагерями, геноцидами и ядерным оружием. И каждый день перед нами появляются новые и все более пугающие угрозы, вроде возможности того, что наше самое страшное оружие попадет в руки террористов, готовых умереть только за тем, чтобы унести жизни как можно большего числа невинных людей.

Как эти два аспекта могут одновременно сочетаться друг с другом в нашем мире? Не служит ли это приговором библейской традиции, которая оказалась неспособной установить мир среди нас? Не происходит ли это потому, что даже самые внешне мирные религии в конце концов приводят к насилию? Многие отвечают на это решительным «да», не замечая или даже не подозревая о том, что все сказанное нами ранее о жертвоприношении и жертвенных ценностях в полной мере применимо и к нашему обществу.

Насилие, постепенно подорванное библейской демистификацией жертвоприношения, — это жертвенное насилие, насилие, которое «сдерживало» насилие и на протяжении долгого времени не позволяло (и в какой-то степени не позволяет до сих пор) вырваться наружу еще худшим формам насилия. Поэтому мы всегда в долгу перед жертвенным насилием и когда мы избавляемся от него во вспышке самоуверенного осуждения лицемерия, возможно, мы невольно помогаем высвобождению еще худшего насилия.

Принимая во внимание такую жертвенную подоплеку, нам следует воздержаться от оценки роли библейских или других религий с точки зрения простой оппозиции между насилием и ненасилием. Нельзя сказать, что упразднение жертвенного насилия — это зло или благо; ведь мы имеем дело с неоднозначным и двусмысленным развитием борьбы против насилия, которая может иметь и регрессивные аспекты, если люди, которых такое насилие сдерживало в прошлом, в результате подобного развития становятся более склонными к насилию. Мир, который был доступен нам до недавнего времени, зачастую опирался на жертвенное насилие, которое больше не присутствует в форме кровавого жертвоприношения, но все же содержится в институтах, вроде полиции и армии, и в этом смысле все еще действует в мире.

В результате упразднения или даже ослабления насилия жертвоприношения неизбежно происходит и ослабление умиротворяющего воздействия этого насилия. Неприятие жертвенного насилия, конечно, дело хорошее, и оно влечет за собой праведную борьбу с лицемерием религиозных, социальных и политических институтов, неизменно пропитанных жертвенными ценностями. Но чем больших успехов нам удастся добиться в этом направлении, тем сильнее мы разрушаем традиционные институты и ослабляем стабильность нашего собственного мира. Чем сильнее поддержка индивидуальной свободы, тем большее число людей должно ощущать, что их долг — помешать насилию ненасильственными средствами; нам нужно без внешней помощи избегать неприятностей, которых жертвенные культуры избегали при помощи законного насилия.

Исчезновение жертвенных ограничений и религиозных запретов способствует разрастанию миметического соперничества не только в его самых созидательных проявлениях, например, в научной конкуренции, но и в самых пагубных и убийственных формах терроризма, которые превращают достижения современной технологии в смертоносное оружие, не делающее различия между его жертвами.

Заключение

Даже если мои наблюдения окажутся слишком беглыми, чтобы убедить читателя в том, что миметическая теория религии является крупным достижением, мне кажется, что он согласится с тем, что даже самые «ошибочные» религии заслуживают нашего внимания. Архаические религии — это не просто ошибочные объяснения мира. Они всегда имели более важную задачу, чем удовлетворение праздного любопытства. Они всегда отвечали за поддержание мира. Даже если они обращались к насилию для достижения своих целей, эти средства не были их собственным изобретением; они возникали в результате развития человеческих отношений. Мы не можем объявлять эти религии чем-то чуждым современному человечеству. Даже хотя мы пытаемся посту-

пать лучше, чем предписывали старые религии, мы понимаем, что выполнить такую задачу гораздо сложнее, чем казалось сто лет тому назад. Насилие, ответственность за которое мы любим перекладывать на религию, на самом деле является нашим собственным; и мы должны бороться именно с ним. Превращение религии в козла отпущения нашего собственного насилия в конце концов может привести к крайне неприятным последствиям.

Перевод с английского Артема Смирнова